
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

Правоположения Европейского суда по правам человека и их значимость для арбитражных судов Российской Федерации*

4. Особое значение для арбитражных судов, безусловно, имеет ст. 6 Конвенции "Право на справедливое судебное разбирательство", п. 1 которой предусматривает следующее: "Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо в при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия".

▼ В своих актах Европейский суд неоднократно разъяснял, что указанная норма закрепляет, прежде всего, необходимость *справедливости судебного разбирательства*, что достигается при условии обеспечения равных процессуальных возможностей обеих сторон, участвующих в деле. Обеспеченность равного процессуального положения сторон определяется исходя из анализа, в частности, фактической состязательности сторон в процессе, независимости и законности назначения экспертов и экспертиз, законности методов получения доказательств, мотивированности судебных актов, порядка и фактической возможности обжалования вынесенного судебного акта сторонами, невозможности вмешательства в порядок обжалования со стороны лиц, не участвующих в деле, и лиц, чьи права не затронуты вынесенным судебным актом, а также исходя из фактической возможности участия сторон в рассмотрении дела на всех стадиях процесса.

Если судебное разбирательство осуществлялось с соблюдением указанных требований, Суд, давая ему оценку, говорит о справедливости судебного разбирательства. Если же при отправлении правосудия судебный орган нарушил какое-либо из названных требований, оснований говорить о "справедливом судебном разбирательстве" у Суда уже нет.

Например, Суд неоднократно указывал на проблемы надлежащего уведомления участвующих в деле лиц о дате судебного слушания и фактического участия сторон в судебных заседаниях на всех стадиях прохождения дела.

Ранее уже упоминались жалобы, рассмотренные Европейским судом, предметом которых было ненадлежащее уведомление заявителя о дате судебного слушания в суде кассационной инстанции, что повлекло за собой невозможность его участия в судебном разбирательстве (дела "Яковлев против России", "Грошев против России").

Здесь же можно сослаться на постановление по делу "Росэлтранс против России"¹⁶. В данном деле заявитель в "Российский электротранспорт" ("Росэлтранс") указывал, что Мини-

* Окончание. Начало см.: *Хозяйство и право*, 2007, № 3.

стерство по управлению государственным имуществом издало распоряжение о его ликвидации, которое он оспорил в суде общей юрисдикции. Суд первой инстанции требование заявителя удовлетворил, признав распоряжение недействительным; данное решение не обжаловалось и вступило в законную силу.

Впоследствии прокуратурой был принесен протест в порядке надзора, который был удовлетворен: решение первой инстанции было отменено, а дело направлено на новое рассмотрение. Однако заявитель не был извещен о рассмотрении дела судом надзорной инстанции, не участвовал в судебном разбирательстве (которое состоялось через год после вынесения решения судом первой инстанции), копий протеста и судебных актов не получал.

По причине изменения подведомственности дело было передано в арбитражный суд, который аналогичным образом решил дело, признав распоряжение о ликвидации заявителя недействительным. Решение арбитражного суда не обжаловалось и вступило в законную силу.

Рассмотрев жалобу "Росэлтранс", Европейский суд признал, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции: разбирательство в суде надзорной инстанции не было справедливым, поскольку проводилось без уведомления заявителя, который был лишен возможности представить свои возражения против требования прокурора.

Схожая жалоба недавно признана приемлемой (дело "Сутяжник" против России)¹⁷. Заявитель, являясь организацией, предъявил Управлению юстиции требование о своей перерегистрации. Арбитражный суд первой инстанции данное требование удовлетворил; арбитражный суд кассационной инстанции оставил решение без изменения. Президиум ВАС РФ в отсутствие заявителя удовлетворил протест заместителя Председателя ВАС РФ и отменил названные судебные акты по причине неподведомственности данного дела арбитражным судам (это было до вступления в действие АПК РФ 2002 года). Копию постановления Президиума ВАС РФ заявитель получил спустя два месяца после отмены судебных актов. По результатам рассмотрения дела суд общей юрисдикции признал правомерность заявленных требований и удовлетворил их, обязав органы юстиции зарегистрировать заявителя.

Принимая решение о приемлемости данной жалобы, Европейский суд подчеркнул, что заявитель не был извещен о постановлении, которым были отменены ранее состоявшиеся судебные акты, по фактическому адресу его места нахождения, хотя этот адрес мог быть легко установлен по материалам дела.

Важное значение мотивированности судебных актов (полноты мотивировочной части судебных актов) уже неоднократно подчеркивалось в практике Европейского суда (см., например, рассмотренное ранее постановление по делу "Фризен против России").

Сравнительно недавно было принято решение о приемлемости жалобы "Галич и Дерябина против России"¹⁸. В ней указывалось, что заявитель (Галич) обратился в суд общей юрисдикции с требованием о взыскании с должника по договору займа основного долга и процентов за неисполнение денежного обязательства (представителем Галича выступала Дерябина). Суд первой инстанции удовлетворил иск частично, а суд кассационной инстанции, отклонив кассационную жалобу Галича, по собственной инициативе уменьшил сумму процентов годовых (хотя этот вопрос сторонами дела не поднимался), не приведя правовых оснований такого решения. Европейский суд признал жалобу приемлемой в части нарушения права на справедливое судебное разбирательство вследствие отсутствия у заявителя возможности привести доводы против уменьшения суммы процентов и недостаточности мотивов, изложенных судом кассационной инстанции в обоснование своего решения.

Прецедентная практика Европейского суда свидетельствует и о его внимании к проблеме законности методов получения доказательств.

¹⁶ Постановление от 21 июля 2005 года по делу "Росэлтранс против России", жалоба № 60974/00 (CASE OF ROSELTRANS v. RUSSIA).

¹⁷ Решение от 2 марта 2006 года относительно приемлемости жалобы "Сутяжник" против России" № 8269/02 (SUTYAZHNIK v. RUSSIA).

¹⁸ Решение от 6 апреля 2006 года относительно приемлемости жалобы "Галич и Дерябина против России" № 33307/02 (GALICH and DERYABINA v. RUSSIA).

Так, была признана приемлемой жалоба сотрудника милиции, обвиненного в получении взятки (дело "Трифонцов против России"¹⁹). Заявитель, в частности, указывал, что суд признал его виновным и приговорил к лишению свободы, однако обвинительный приговор был основан на незаконно добытых доказательствах, дело против заявителя сфабриковано. Суд сделал вывод о том, что заявитель жалуется на осуждение, имевшее место в результате полицейской провокации, и вынес решение о приемлемости этой жалобы в части утверждений о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции.

▼ В норме п. 1 ст. 6 Конвенции закреплено также требование *публичности судебного разбирательства*. Это требование подразумевает обеспечение возможности проведения судебного заседания при участии всех лиц, отстаивающих свои права в данном деле, а также лиц, заинтересованных в присутствии на судебном заседании; оно обусловлено необходимостью защиты участников процесса от "тайного" отправления правосудия вне контроля со стороны общества и необходимо для обеспечения доверия как к судам первой инстанции, так и к судам апелляционной, кассационной, надзорной инстанций (применительно к арбитражным судам).

Из текста п. 1 ст. 6 Конвенции следует, что обстоятельствами, исключающими возможность присутствия в судебном заседании иных (кроме участвующих в деле) лиц и средств массовой информации, могут служить: (1) соображения морали; (2) требования общественного порядка; (3) требования национальной безопасности; (4) интересы несовершеннолетних детей; (5) необходимость защиты частной жизни сторон процесса; (6) иные обстоятельства, когда публичность (гласность) разбирательства нарушала бы интересы правосудия.

В связи с этим нельзя обойти вниманием решение о приемлемости, вынесенное Европейским судом по жалобе "Загородников против России"²⁰.

Заявитель является вкладчиком банка "Российский кредит". В апреле 2000 года 188 900 кредиторов банка достигли соглашения с банком и обратились в Арбитражный суд г. Москвы с целью утверждения соглашения. Поскольку заявитель был против соглашения, он представил суду свои возражения.

В арбитражный суд были вызваны 100 кредиторов, возражающих против соглашения. Арбитражный суд проводил судебные слушания 10, 11, 14 и 15 августа 2000 года.

Заявитель, получивший повестку на 14 августа, смог принять участие только в последнем судебном заседании. Он указывает, что во время процесса доступ в здание арбитражного суда был ограничен; те, кто не имел повестки и удостоверения личности, не допускались милицией в арбитражный суд, препятствуя таким образом доступу других лиц в зал судебных заседаний. По этим причинам 20–25 человек пропустили первое судебное заседание; 3–5 человек пропустили каждое из последующих заседаний. На каждом из слушаний 45–50 мест в зале судебного заседания пустовало. Расписание судебных заседаний было вывешено внутри здания арбитражного суда, и посетители (публика) не могли знать, какие дела слушаются в данный день.

15 августа 2000 года арбитражный суд утвердил соглашение, судебный акт об утверждении которого вышестоящие инстанции оставили без изменения. И арбитражный суд апелляционной инстанции, и арбитражный суд кассационной инстанции проигнорировали доводы заявителя о том, что слушания данного дела не были публичными.

Европейский суд счел жалобу приемлемой, поскольку судебное разбирательство в арбитражном суде не было публичным, а заявитель не имел возможности участвовать в трех первых слушаниях по делу.

Надо отметить, что Суд исходит из того, что при рассмотрении дела в суде первой инстанции публичность разбирательства предполагает и его устность. Иными словами, публичность судебного разбирательства подразумевает предоставление заявителю возможности устного освещения его правовой позиции (по крайней мере в суде первой инстанции). Требование устного проведения процесса приобретает особое значение, когда необходимая инфор-

¹⁹ Решение от 8 июня 2006 года относительно приемлемости жалобы "Трифонцов против России" № 12025/02 (TRIFONTSOV v. RUSSIA).

²⁰ Решение от 30 июня 2005 года относительно приемлемости жалобы "Загородников против России" № 66941/01 (ZAGORODNIKOV v. RUSSIA).

мация, имеющая значение для разрешения дела, может быть получена только в ходе устных слушаний.

▼ Проанализировав требование публичности судебного разбирательства, стоит рассмотреть такое требование как *разумность срока судебного разбирательства*. Важность соблюдения данного требования постоянно подчеркивается Европейским судом, который считает необходимым максимально возможное сокращение продолжительности состояния, которое принято обозначать термином "состояние правовой неопределенности".

Данное состояние считается возникшим у лица в момент нарушения его прав или законных интересов и существует вплоть до окончательного разрешения дела и восстановления нарушенных прав заявителя либо до вынесения мотивированного отказа в удовлетворении его требований.

Необходимо специально отметить, что в срок "состояние правовой неопределенности" входит весь срок от рассмотрения требований лица, защищающего свои права в административных или судебных органах (с момента поступления к ним заявления), до момента фактического исполнения окончательного судебного акта по делу. И задержка реализации последнего элемента от фактического исполнения вступившего в законную силу судебного акта зачастую значительно продлевает "состояние правовой неопределенности".

На недопустимость длительного неисполнения окончательного судебного акта по делу, необоснованно продлевающего "состояние правовой неопределенности", неоднократно указывал Европейский суд.

Еще в первом постановлении, вынесенном по жалобе против России, Европейский суд указал на обязательность исполнения окончательных судебных актов. "Право на суд было бы иллюзорным, если бы правовая система государства от участника Конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось бы неисполненным в ущерб одной из сторон. Было бы непостижимым, если бы статья 6 (п. 1) Конвенции, описывая детально процессуальные гарантии, предоставленные спорящим сторонам, ... не защищала при этом выполнение судебных решений" [постановление от 7 мая 2002 года по делу "Бурдов против России", жалоба № 59498/00 (CASE OF BURDOV v. RUSSIA)]. Эта позиция отражена во всех последующих постановлениях Европейского суда по жалобам против России, предметом которых было неисполнение или длительное неисполнение окончательных судебных актов (то есть судебных решений, вступивших в законную силу и обязательных к исполнению).

Однако в рамках настоящей работы, посвященной в большей степени проблемам судопроизводства, будет рассматриваться вопрос "разумности" именно срока судебного разбирательства.

Надо сказать, что практика Европейского суда не определяет, какой срок является "разумным" сроком судопроизводства, равно как и не содержит указаний на границы "разумности" срока. При этом на срок судопроизводства, безусловно, оказывают влияние сложность дела (что наблюдалось, например, в деле "Кормачева против России"²¹), действия заявителя и действия властей государства (в смысле их возможного влияния на затягивание судебного процесса), а также обстоятельства самого дела, поведение заявителя в судебном процессе и т. д.

Несоответствие сроков судебного разбирательства в российских судах требованиям разумности неоднократно устанавливалось Европейским судом. Рассмотрим некоторые из принятых недавно постановлений.

Так, при рассмотрении дела "Куценко против России"²² установлено следующее. Заявительница в 1998 году предъявила иск к российской компании, судебный процесс по которому продолжался до 2005 года (даты вынесения решения судом первой инстанции об удовлетворе-

²¹ Европейский суд неоднократно, признавая чрезмерно длительным срок судебного разбирательства, указывал на то, что дело не было сложным. Например, при рассмотрении жалобы "Кормачева против России" [постановление от 29 января 2004 года по делу "Кормачева против России", жалоба № 53084/99 (CASE OF KORMACHEVA v. RUSSIA)] Суд установил, что длительность судебного разбирательства по делу заявительницы в общей сложности составила 6 лет 6 месяцев и 15 дней. По его мнению, такая продолжительность судебного дела была несовместима с требованием "разумного срока", предусмотренного в п. 1 ст. 6 Конвенции, тем более что в данном случае иск заявительницы был требованием, вытекающим из трудовых отношений (трудовым спором), поэтому дело заявительницы не было особенно сложным. Как подчеркнул Европейский суд, трудовые споры по своей природе требуют быстрого решения.

²² Постановление от 1 июня 2006 года по делу "Куценко против России", жалоба № 12049/02 (CASE OF KUTSENKO v. RUSSIA).

нии исковых требований в части и оставления решения без изменения судом второй инстанции).

Суд признал, что судебное разбирательство продолжалось чрезмерно длительный срок, в силу чего был нарушен п. 1 ст. 6 Конвенции, и очередной раз подчеркнул, что жалобы на длительность судебного разбирательства могут быть поданы еще до окончания судебного разбирательства.

При рассмотрении дела "Ольшанникова против России"²³ было установлено, что заявительница в 1997 году предъявила в суд общей юрисдикции требование о выселении. Суд общей юрисдикции принял иск к производству, которое продолжалось до 2003 года и окончилось отказом в удовлетворении иска. В течение этого времени заявительница несколько раз обращалась с жалобами на чрезмерную длительность судебного процесса в прокуратуру и вышестоящие судебные инстанции, требуя возбуждения уголовного дела против судьи, рассматривающего дело.

В 2001 году органами прокуратуры была признана необоснованной задержка с рассмотрением дела. Начатое в 1998 году дисциплинарное дело против судьи окончилось в 2002 году тем, что квалификационная коллегия судей лишила судью полномочий, в том числе (среди прочего) и за длительную задержку рассмотрения дела заявительницы.

Европейский суд признал, что в данном случае права заявительницы были нарушены длительностью судебного разбирательства (п. 1 ст. 6 Конвенции), а также тем, что российская правовая система не предоставляет эффективного средства правовой защиты против чрезмерной длительности судебного процесса (ст. 13 Конвенции)²⁴.

При рассмотрении дела "Дубинская против России"²⁵ установлено, что заявительница, серьезно пострадавшая в дорожной аварии, в 1995 году предъявила в суд общей юрисдикции иск о возмещении вреда к водителю машины и его собственнику (отделению Тверь-универсалбанка). Данное обстоятельство было подтверждено штампом суда (с датой регистрации), проставленным на копии искового заявления.

В том же году суд вынес определение о назначении экспертизы, которое было направлено в Бюро судебно-медицинской экспертизы при Комитете здравоохранения г. Москвы. Поскольку Бюро потребовало предоставления медицинских документов заявительницы, суд, по его утверждению, дважды направлял в адрес представителя заявительницы запросы, на которые ответа не получил. В связи с этим суд оставил иск без рассмотрения.

Заявительница, в свою очередь, указала, что запросов из суда не получала и не была уведомлена об оставлении иска без рассмотрения.

При этом на жалобу заявительницы председателю суда общей юрисдикции по поводу чрезмерной длительности судебного разбирательства ею был получен ответ о том, что согласно регистрационным записям за 1995 год исковое заявление заявительницы никогда судом не регистрировалось. Более того, председатель суда позднее уведомил заявительницу о том, что за 1995–2002 годы в суде не было возбуждено гражданское дело, сторонами которого выступали заявительница и указываемые ею лица.

Оценив аргументы заявительницы и представленные доказательства, а также доводы, заявляемые в качестве аргументов против приемлемости жалобы, Европейский суд констатировал: он убежден, что иск был действительно предъявлен, и у него нет сомнений в том, что суд общей юрисдикции когда-либо выносил определение по иску заявительницы. В этих условиях он признал, что нерассмотрение судебным органом по существу иска заявительницы нарушило ее право на доступ к суду, а следовательно, имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции.

▼ Перечисляя требования, предъявляемые к судебному разбирательству, нельзя не упомянуть и требование, предъявляемое к составу суда, — требование *независимости и беспристрастности суда*.

²³ Постановление от 29 июня 2006 года по делу "Ольшанникова против России", жалоба № 22892/03 (CASE OF OLSHANNIKOVA v. RUSSIA).

²⁴ См. также, например, постановление от 22 июня 2006 года по делу "Кирсанова против России", жалоба № 76964/01 (CASE OF KIRSANOVA v. RUSSIA).

²⁵ Постановление от 13 июля 2006 года по делу "Дубинская против России", жалоба № 4856/03 (CASE OF DUBINSKAYA v. RUSSIA).

Практика Европейского суда свидетельствует о том, что судебный орган должен быть в равной степени независимым как от иных ветвей власти ☞ законодательной и исполнительной, так и от сторон спора. Беспристрастность суда толкуется как обязанность судебных органов решать передаваемые им дела на основе обстоятельств дела и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, вне зависимости от неправомерного влияния [в том числе давления, угроз или вмешательства (прямого или косвенного)], с чьей бы стороны и по каким бы причинам оно ни оказывалось.

Соблюдение указанных требований, несомненно, зависит от порядка формирования состава суда, порядка и способа назначения судей, порядка разрешения ходатайств об отводе и заявлений о самоотводе судей.

▼ Следующим можно назвать требование о *рассмотрении дела судом, созданным на основании закона*.

Данное требование направлено на то, чтобы не допустить лишения любого лица права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Так, в постановлении по делу "Посохов против России"²⁶ указано, что словосочетание "созданный на основании закона" относится не только к правовому основанию самого существования суда, но и к составу суда по каждому конкретному делу. Исходя из практики Европейского суда применительно к судебным органам России указанное требование распространяется не только на федеральных и мировых судей, но и на заседателей, привлекаемых в установленном законом порядке к участию в отправлении правосудия (поскольку они при осуществлении правосудия пользуются правами и несут обязанности судей).

Резюмируя сказанное, можно говорить о том, что Европейский суд в своей прецедентной практике существенно расширил содержание права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции, установив в качестве требований:

- ☞ справедливость судебного разбирательства;
- ☞ публичность судебного разбирательства;
- ☞ разумность срока судебного разбирательства;
- ☞ независимость и беспристрастность суда;
- ☞ рассмотрение дела судом, созданным на основании закона.

Только соответствие судебного разбирательства по конкретным делам всем указанным требованиям, с точки зрения Европейского суда, позволяет говорить о соблюдении права, гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции. Если судебное разбирательство не соответствует хотя бы одному из названных требований, заинтересованное лицо может поставить вопрос о нарушении права на справедливое судебное разбирательство.

5. Хотелось бы подробнее остановиться на ст. 13 Конвенции "Право на эффективное средство правовой защиты". Она предусматривает следующее: "Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

Цель данной статьи ☞ исключить ситуации, когда заявитель в случае нарушения его прав не имеет средств правового воздействия на государственный (в том числе судебный) орган, деятельность которого нарушает его права, установленные Конвенцией и Протоколами к ней. Для достижения этой цели каждое государство ☞ участник Конвенции обязано закрепить во внутреннем законодательстве возможность использования таких средств правовой защиты, которые позволили бы заинтересованным лицам результативно (действенно) защищать свои нарушенные права. При этом в постановлении по делу "Михеев против России"²⁷ государствам предоставлена возможность по собственному усмотрению решать, какое средство пра-

²⁶ Постановление от 4 марта 2003 года по делу "Посохов против России", жалоба № 63486/00 (CASE OF POSOKHOV v. RUSSIA).

²⁷ Постановление от 26 января 2006 года по делу "Михеев против России", жалоба № 77617/01 (CASE OF MIKHEYEV v. RUSSIA). В постановлении по данному делу Европейский суд подчеркнул, что в случае возникновения вопроса о нарушении прав, установленных Конвенцией, согласно ст. 13 Конвенции лицу, право которого нарушено, должно быть предоставлено средство правовой защиты для того, чтобы установить должностное лицо или государственный орган, виновных в этом нарушении.

вовой защиты будет эффективным в том или ином случае, и определять во внутреннем законодательстве средство (либо совокупность средств) правовой защиты, которое может быть использовано.

К сожалению, действующее законодательство не всегда четко определяет те средства правовой защиты, которые могут быть использованы и будут эффективными (то есть результативными) в том или ином случае. Отсутствие эффективных средств правовой защиты вынуждает заявителя использовать все средства правовой защиты, которые ему доступны, но которые не являются эффективными и не приводят к достижению желаемого результата. В этих случаях при рассмотрении жалоб, возникающих из подобных ситуаций, делается вывод о нарушении ст. 13 Конвенции.

Так, в упомянутом деле "Кормачева против России" установлено, что заявительница в октябре 1996 года предъявила в районный суд исковое требование к работодателю об уплате задолженности по выплате заработной платы, отпускных и выходного пособия, а также надлежащем оформлении ее увольнения.

В связи с тем, что судебное разбирательство в 1997–1999 годах не проводилось, заявительница неоднократно направляла жалобы на районный суд в окружной суд, квалификационную коллегию судей автономного округа, Высшую квалификационную коллегию судей, а впоследствии в Уполномоченному по правам человека в РФ, Министру юстиции РФ, в Правительство РФ, Государственную Думу и Конституционный Суд РФ. Данные жалобы перенаправлялись названными должностными лицами и государственными органами в судебные органы автономного округа либо ответы, направленные заявительнице, содержали рекомендации сделать это ей самой.

В июле 1998 года районный суд информировал заявительницу о том, что ее дело не может быть рассмотрено, поскольку суд недоукомплектован судьями и перегружен работой. В апреле 1999 года председатель районного суда был уведомлен о том, что окружная квалификационная коллегия судей посетит районный суд с целью проверки его бездействия. В июне 1999 года районный суд, удовлетворив иск заявительницы, вынес решение, которое в декабре 1999 года было отменено судом кассационной инстанции, и дело было направлено на новое рассмотрение.

В апреле 2000 года окружная квалификационная коллегия сделала выговор судье районного суда, в производстве которого находилось дело. Коллегия предупредила судью, что он может быть лишен права занимать свою должность в случае повторного нарушения. В марте 2001 года районный суд, удовлетворив иск заявительницы частично, вынес решение, которое в октябре 2001 года было отменено судом кассационной инстанции, дело было направлено на новое рассмотрение. В октябре 2002 года заявительница предъявила требование о взыскании с районного суда ущерба в сумме 200 000 руб. в качестве компенсации за задержки, допущенные в ходе рассмотрения ее дела. Данное требование было выделено районным судом в отдельное производство. В ноябре 2002 года районный суд, удовлетворив иск заявительницы частично, вынес решение, которое в мае 2003 года было частично отменено судом кассационной инстанции, вынесено новое определение, согласно которому требования заявительницы были частично удовлетворены.

В июне 2003 года районный суд прекратил производство в отношении требования о возмещении ущерба в сумме 200 000 руб. в качестве компенсации за задержки, допущенные в ходе рассмотрения дела. Это судебное решение было отменено судом кассационной инстанции на том основании, что районный суд не должен рассматривать иск, поданный против него же (разбирательство по этому делу продолжалось на момент рассмотрения жалобы в Европейском суде).

Европейский суд сделал вывод о том, что при рассмотрении дела заявительницы был нарушен п. 1 ст. 6 Конвенции (чрезмерная длительность судебного разбирательства), а также ст. 13 Конвенции, поскольку у заявительницы не было средства правовой защиты, которое могло бы способствовать ускорению рассмотрения ее судебного дела. Те средства правовой защиты, которые использовала заявительница — жалобы в вышестоящие судебные инстанции и административные органы, не были эффективными, поскольку их применение не принесло ожидаемого результата.

В практике Европейского суда рассмотрение вопросов, связанных со ст. 13 Конвенции, достаточно часто увязывается с рассмотрением вопросов по ст. 6 Конвенции.

Так, в деле "Еманакова против России"²⁸ рассмотрена жалоба, в которой заявительница жаловалась на чрезмерную длительность судебного разбирательства (п. 1 ст. 6 Конвенции) и отсутствие эффективных средств правовой защиты от задержек в судебном процессе (ст. 13 Конвенции). Она указывала на несоответствие срока судебного процесса по ее делу в российском суде требованиям разумности и ссылалась на то, что ее многочисленные запросы в различные судебные и административные органы государства относительно отсутствия информации о ее судебном деле были оставлены без ответа по существу. Как и в иных случаях²⁹, Европейский суд признал в данном деле нарушение п. 1 ст. 6 и ст. 13 Конвенции.

6. Статья 1 Протокола № 1, которая большинством специалистов считается центральной статьей Конвенции, в общем не связана с отправлением правосудия. Однако по причине ее большой значимости, а также исходя из существующих проблем уяснения ее смысла представляется правильным уделить ей определенное внимание.

Проблема обнаруживается при прочтении перевода постановлений Европейского суда по конкретным делам.

Например, перевод постановления по делу "Бурдов против России"³⁰, опубликованного в "Российской газете"³¹, содержит следующее: "Суд вновь напоминает, что "судебный иск" может пониматься как "собственность" по смыслу Статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В переводах более поздних постановлений по жалобам против России встречается указание на то, "что "требование" может пониматься как "собственность" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции"³², либо ссылка на то, "что "исковое требование" ... может составлять "собственность" по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции"³³. Цитированные отрывки вряд ли позволят правильно применять сформулированные противоположения Европейского суда.

Рассмотрение данного вопроса, вероятно, надо начать с того, что первоначально официальный перевод ст. 1 Протокола № 1³⁴ был дословно следующим:

"Статья 1

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

Протоколом № 11 к Конвенции тексты самой Конвенции и Протоколов к ней были существенно изменены, изменена нумерация статей и введены их заголовки.

В частности, ст. 1 Протокола № 1 получила название "Protection of property", что в официальном переводе звучит как "Защита собственности"³⁵; претерпел существенные изменения и перевод текста самой статьи. Теперь официальный перевод на русский язык ст. 1 Протокола № 1 следующий:

"Статья 1

²⁸ Постановление от 23 сентября 2003 года по делу "Еманакова против России", жалоба № 60408/00 (CASE OF EMANAKOVA v. RUSSIA).

²⁹ См. также упоминавшееся дело "Ольшанникова против России".

³⁰ Постановление от 7 мая 2002 года по делу "Бурдов против России", жалоба № 59498/00 (CASE OF BURDOV v. RUSSIA).

³¹ Российская газета, 2002, 4 июля, № 120.

³² См., например, постановления: от 23 октября 2003 года по делу "Тимофеев против России", жалоба № 58263/00 (CASE OF TIMOFEEV v. RUSSIA); от 18 ноября 2004 года по делу "Вассерман против России", жалоба № 15021/02 (CASE OF WASSERMAN v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 года по делу "Макарова против России", жалоба № 7023/03 (CASE OF MAKAROVA v. RUSSIA); от 24 февраля 2005 года по делу "Плотниковы против России", жалоба № 43883/02 (CASE OF PLOTNIKOVY v. RUSSIA) и др.

³³ См., например, постановления: от 30 июня 2005 года по делу "Тетерины против России", жалоба № 11931/03 (CASE TETERINY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 года по делу "Малиновский против России", жалоба № 41302/02 (CASE OF MALINOVSKIY v. RUSSIA); от 7 июля 2005 года по делу "Шпаковский против России", жалоба № 41307/02 (CASE OF SHPAKOVSKIY v. RUSSIA); от 12 июля 2005 года по делу "Солодюк против России", жалоба № 67099/01 (CASE OF SOLODYUK v. RUSSIA), и др.

³⁴ Этот официальный перевод текста Протокола № 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства РФ, 1998, № 20, ст. 2143.

³⁵ Этот официальный перевод текста Протокола № 1 к Конвенции на русский язык опубликован в Собрании законодательства РФ, 2001, № 2, ст. 163.

Защита собственности

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

Содержащееся в данном официальном переводе Протокола № 1 указание на "собственность" (в названии самой статьи и в ее тексте) представляет собой не что иное как неточность, допущенную при переводе на русский язык терминов "property" (в названии и абз. 2 текста статьи) и "possessions" (в абз. 1 текста статьи). Термин "собственность", используемый при переводе на русский язык, употребляется как эквивалент понятия "имущество" (то есть, по сути, в переводе использован "бытовизм"), что подтверждает и второе предложение абз. 1 рассматриваемой статьи.

При, казалось бы, небольшой погрешности вошедшая в текст официального перевода неточность имеет весьма серьезные последствия, препятствуя пониманию и применению Протокола № 1 к Конвенции. Перевод актов Европейского суда с учетом официального перевода Конвенции искажает значение правоположений, сформулированных Судом, и не позволяет уяснить их истинный смысл и оценить их значение. Это, в свою очередь, существенно ограничивает возможности защиты прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней, препятствует возможности их учета в отечественной правоприменительной практике, а также имеет иные отрицательные последствия. То есть проблема терминологии, возникшая из неточного перевода на русский язык текста Протокола № 1 к Конвенции, имеет весьма негативные последствия.

Вероятно, можно было бы смириться с употреблением термина "собственность" в значении "имущество" и с определенной долей условности использовать его. Однако некоторые авторы идут дальше и говорят об автономном значении *права* собственности, которое ему придано в практике Европейского суда и которое не совпадает с принятым в национальных правовых системах³⁶. Иными словами, объект собственности (имущество) уже отождествляется с правом собственности³⁷.

В результате подобного смешения создается впечатление, что содержанием ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции охватывается только то имущество, которое находится у частного лица на праве собственности. Это, в свою очередь, существенно сужает круг имущества, права на которое по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции подлежат защите. И, таким образом, в круг объектов, упоминаемых в рассматриваемой статье, строго говоря, уже не могут быть включены объекты, не обладающие свойством материальности (телесности): результаты интеллектуальной собственности, доли в уставном капитале хозяйственных обществ, бездокументарные ценные бумаги и т. д.

Между тем права на указанные объекты Европейский суд признает подлежащими защите по смыслу ст. 1 Протокола № 1. С учетом этого авторами, исходящими из концепции автономного значения права собственности в практике Суда, делается заключение о совершенно иной трактовке Судом права собственности.

Высказывается мнение о том, что Европейским судом разработана "широкая концепция права собственности, которая далеко не ограничивается материальными вещами. Она включает в себя весь спектр нематериальных объектов от интеллектуальной собственности до прав требования. ... Например, акции, обязательственные права требования, которые являются объектами частных правоотношений, кроме того, требования, установленные судебным решением, денежные требования к государству из налоговых и иных публичных правоотношений (в частности, возврат налогов, возмещение вреда в ходе административных производств). Указанные объекты

³⁶ См., например: Старженецкий В. В. Россия и Совет Европы: право собственности. — М.: Городец, 2004, с. 46.

³⁷ Смешение права собственности с его объектом имело место в римском праве; современное гражданское право отчетливо разграничивает эти понятия.

представляют собой имущество, а, следовательно, на них распространяется право собственности в конструкции ЕКПЧ (Конвенции. *в М. Р.*)³⁸.

Подобные заявления, безусловно, не могут быть поддержаны.

Анализируя объекты, которые Европейский суд признает подпадающими под правило ст. 1 Протокола № 1, можно согласиться с тем, что данной статьей охватывается весьма широкий круг объектов. Однако речь не об "автономном значении права собственности", а о весьма прогрессивном подходе Суда к толкованию понятия "имущество".

Иными словами, можно говорить о том, что Европейский суд широко толкует понятие "имущество" (или, как указано в официальном переводе на русский язык Протокола № 1 к Конвенции, понятие "собственность"), обобщая все передовые тенденции, намечающиеся в национальных правовых системах европейских стран, и тем самым на шаг обгоняя национальное законодательство. В связи с этим совершенно правильно говорить о "европейских стандартах", создаваемых Европейским судом, которые необходимо учитывать при совершенствовании национального гражданского законодательства.

Прецедентная практика Суда (применительно к ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции) свидетельствует о том, что под понятие "имущество" подпадают не только вещи (в классическом их понимании), которые могут принадлежать частным лицам на праве собственности, но всякое иное имущество, обладающее определенной экономической ценностью (экономические активы). Более того, этим понятием *в* понятием "имущество" *в* охватываются и объекты, которые по российскому праву достаточно проблематично отнести к имуществу, но которые обладают бесспорной экономической ценностью (например, деловая репутация и создание собственной клиентуры, лицензии на осуществление определенной экономической деятельности и т. п.).

На сегодняшний день Европейский суд рассмотрел немало жалоб против России, где указывалось на нарушение прав, гарантированных ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. В постановлении по делу "Кукало против России"³⁹ прямо указано, что по смыслу названной статьи в понятие "имущество" включаются не только вещи, но и "другие права и интересы, образующие активы". Вместе с тем в большинстве случаев при рассмотрении дел по жалобам против России у Европейского суда не было нужды давать толкование понятию "имущество", поскольку рассматриваемые объекты бесспорно к нему относились.

Так, в упоминавшемся деле "Фризен против России" имуществом были автомобиль и личные вещи заявительницы.

По делу "Смирнов против России" заявитель, являющийся адвокатом, обратился в Суд с жалобой, указывая следующие обстоятельства⁴⁰. Органами прокуратуры было возбуждено уголовное дело в отношении ряда лиц, и в связи с этим следователь прокуратуры постановил провести обыск в квартире заявителя, который был представителем некоторых из указанных лиц. Это постановление было мотивировано тем, что в квартире заявителя могли находиться предметы и документы, имеющие значение для расследования дела. В итоге квартира заявителя была обыскана; у него были изъяты документы и компьютер. Требование о признании обыска и изъятия незаконными, предъявленное заявителем в суд, было отклонено (суд признал, что обыск был произведен в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством); суд кассационной инстанции подтвердил правильность вынесенного судебного решения. Европейский суд признал данную жалобу приемлемой в части указания на нарушение ст. 8 Конвенции (право на уважение частной жизни), ст. 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты), а также ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В названных случаях понятием имущества охватываются реально существующие и находившиеся во владении заявителей материальные объекты. Однако к имуществу Суд относит как наличное (реально существующее) имущество, так и имущество, получения которого мог "законно ожидать" заявитель. И одна из разновидностей такого "законно ожидаемого" имуще-

³⁸ Старженецкий В. В. Указ. соч., с. 51–52.

³⁹ Постановление от 3 ноября 2005 года по делу "Кукало против России", жалоба № 63995/00 (CASE OF KUKALO v. RUSSIA).

⁴⁰ Решение от 30 июня 2006 года относительно приемлемости жалобы "Смирнов против России" № 71362/01 (CASE OF SMIRNOV v. RUSSIA).

ства заслуживает особого внимания $\&$ речь идет о требованиях, подтвержденных вступившим в законную силу судебным решением.

Например, по делу "Буцев против России"⁴¹ предметом рассмотрения была жалоба заявителя на длительное неисполнение вынесенного и вступившего в законную силу судебного решения.

Рассмотрев данную жалобу, Европейский суд в очередной раз подчеркнул, что "требование" может быть рассмотрено как "имущество" в значении ст. 1 Протокола № 1, если установлено, что оно было осуществимо. Поскольку судебное решение суда обеспечило заявителя требованием, которое должно быть осуществлено (а не просто правом на поддержку государства, выраженную в общих чертах), а кроме того, оно (судебное решение) вступило в законную силу, не обжаловалось и на его основании возбуждено исполнительное производство, признано, что требование, подтвержденное судебным решением, представляет собой имущество заявителя. В этих условиях сделан вывод о том, что невозможность добиться исполнения этого судебного решения в течение длительного времени есть препятствование заявителю в пользовании своим имуществом, нарушающее ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Таким образом, неисполнение вынесенного и вступившего в законную силу судебного решения Европейский суд рассматривает не только как нарушение права на справедливый суд (ст. 6 Конвенции), но и как нарушение права частного лица на пользование своим имуществом, гарантированного ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. К сожалению, количество постановлений, содержащих упомянутые правовые положения и выносимых против России, неуклонно возрастает.

Резюмируя сказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что неточность, допущенная при переводе ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, не только создает проблемы при уяснении положений Протокола, но и вынуждает российских юристов создавать сложные правовые конструкции, но и препятствует надлежащей оценке значимости правовых положений Европейского суда для учета в правоприменительной, в том числе арбитражной, практике.

С учетом изложенного можно утверждать, что официальный перевод на русский язык Протокола № 1 к Конвенции нуждается в изменении $\&$ замене используемого в названии и тексте ст. 1 термина "собственность" термином "имущество". Эта необходимость обусловлена тем, что существующий официальный перевод текста Конвенции в данной части в силу допущенной ошибки не отражает действительного содержания, заложенного в рассматриваемой статье Протокола № 1 к Конвенции, препятствуя ее правильному пониманию и применению, затрудняя реализацию гарантированного Конвенцией права каждого беспрепятственно пользоваться своим имуществом.

7. В завершение представляется интересным проанализировать практику Европейского суда по возмещению судебных расходов и издержек, которые подлежат взысканию с государства, признанного нарушителем Конвенции, в пользу заявителя индивидуальной жалобы. Выводы Суда по данному вопросу не обязательны для исполнения, но они создают определенные ориентиры (правовые стандарты), которые могут оказать содействие в выработке единообразных подходов при решении этих вопросов в практике арбитражных судов.

Под судебными расходами и издержками понимаются расходы, понесенные заявителем индивидуальной жалобы при совершении им действий по предотвращению нарушения его прав, гарантированных Конвенцией, или получению возмещения за такое нарушение. Причем в эти судебные расходы и издержки включаются расходы и издержки, понесенные как при рассмотрении дела в судебных органах государства $\&$ участника Конвенции, так и при рассмотрении жалобы в Европейском суде.

Судебные расходы и издержки, понесенные заявителем, могут включать в себя следующее: 1) гонорары, выплаченные адвокатам и юридическим консультантам; 2) расходы на поездки и проживание самого заявителя, его адвокатов, консультантов; 3) расходы по переводу судебных материалов; 4) расходы на телефонные переговоры; 5) расходы по оплате услуг

⁴¹ Постановление от 22 сентября 2005 года по делу "Буцев против России", жалоба № 1719/02 (CASE OF BUTSEV v. RUSSIA).

почты, курьерской службы или транспортного средства для предоставления документов суду или Европейскому суду; б) расходы за машинописные работы.

Достаточно сдержанно относясь к возмещению материального или нематериального ущерба, Суд обычно весьма лояльно относится к возмещению судебных издержек и расходов.

Так, в деле "Раш против России"⁴² заявитель потребовал компенсации почтовых расходов, возникших при переписке с Европейским судом, в размере 655 руб. 06 коп.; при этом заявитель указал, что он понес и другие почтовые расходы в связи с рассмотрением дела, однако в отношении других расходов чеков у него не сохранилось. В качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных в ходе рассмотрения дела, заявителю присуждено 50 евро.

Вместе с тем по общему правилу Суд возмещает судебные расходы и издержки в том объеме, в котором они указаны заявителем, если соблюдены требования ст. 41 Конвенции. При этом, как указано в постановлении по делу "Раш против России", "в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой будет доказано, что они действительно понесены, были необходимыми и разумными в объеме".

Таким образом, заявитель может потребовать возмещения понесенных им расходов и издержек, и Европейский суд рассмотрит этот вопрос и примет положительное решение, если:

« расходы и издержки заявителя были понесены фактически и подтверждены документально (квитанциями, счетами, иными документами, подтверждающими про-изведенные выплаты).

Это положение нашло подтверждение в постановлении по делу "Рябых против России"⁴³, где указано, что в соответствии со ст. 60 Регламента Европейского суда любое требование справедливой компенсации (включающей в себя судебные расходы и издержки) "должно быть точно определено по пунктам и представлено в письменном виде с приложением подтверждающих требование документов или квитанций".

Если заявитель не может полностью или частично подтвердить понесенные им расходы документально, он не получает возмещения. Например, в упоминавшемся деле "Посохов против России" заявитель требовал возмещения всех расходов и издержек, понесенных им при рассмотрении его дела в российских судах, однако не указал конкретную сумму и не представил обосновывающих документов. Суд отклонил данное требование полностью.

Аналогичный подход имел место и по другим делам: указав, что заявитель не представил ни расчета суммы, ни каких-либо квитанций или иных подтверждающих документов, Суд также отклонял заявленные требования о возмещении расходов и издержек (см., например, дела "Денисенков против России"⁴⁴, "Петрушко против России"⁴⁵ и др.).

В иных случаях Суд, проверив доказательства, представленные в подтверждение понесенных расходов, делал вывод о том, что заявленные требования о возмещении расходов и издержек содержат лишь частичное документальное подтверждение требуемых сумм. В этих случаях требования о возмещении судебных расходов и издержек обычно удовлетворялись частично (см., в частности, дело "Смирнова против России"⁴⁶);

« понесенные расходы и издержки были необходимыми, то есть объективно нужными в складывающейся ситуации. В тех случаях, когда заявитель несет расходы и издержки, не являющиеся необходимыми для рассмотрения дела, такие расходы и издержки не возмещаются.

⁴² Постановление от 13 января 2005 года по делу "Раш против России", жалоба № 28954/02 (CASE OF RASH v. RUSSIA).

⁴³ Постановление от 24 июля 2003 года по делу "Рябых против России", жалоба № 52854/99 (CASE OF RYABUKH v. RUSSIA).

⁴⁴ Постановление от 22 сентября 2005 года по делу "Денисенков против России", жалоба № 40642/02 (CASE OF DENISENKOV v. RUSSIA).

⁴⁵ Постановление от 24 февраля 2005 года по делу "Петрушко против России", жалоба № 36494/02 (CASE OF PETRUSHKO v. RUSSIA).

⁴⁶ Постановление от 24 июля 2003 года по делу "Смирнова против России", жалобы № 46133/99; 48183/99 (CASE OF SMIRNOVA v. RUSSIA).

Например, отклонено требование заявительницы (дело "Познахирина против России"⁴⁷) о возмещении реально понесенных ею расходов на поездку в Страсбург в размере 1834 евро 61 цент. Данная сумма была действительно потрачена заявительницей в результате ее поездки по собственной инициативе в Страсбург с целью ознакомления со своим делом. Суд подчеркнул, что, хотя он и разрешил заявительнице ознакомиться с материалами дела, ее поездка не была необходимой;

✂ *понесенные расходы и издержки были разумными*, то есть разумность понесенных расходов является обязательным условием их возмещения.

Например, в деле "Гусинский против России"⁴⁸ Европейский суд очередной раз отметил, что судебные расходы и издержки должны быть разумными в своем размере. Заявитель по этому делу требовал выплаты 446 017,70 евро в качестве возмещения расходов на услуги адвоката, который помогал заявителю и его работнику в защите их прав в российских государственных судах и Европейском суде. Суд, сославшись на собственную прецедентную практику, указал, что сумма, предъявленная заявителем, не может рассматриваться как необходимая и разумная, и присудил заявителю 88 000 евро в качестве судебных издержек и расходов, понесенных заявителем на своих представителей;

✂ *предъявляемые к возмещению расходы и издержки были связаны с нарушением Конвенции*, то есть их должен был понести заявитель для предупреждения нарушения его прав, установленных Конвенцией или Протоколами к ней, либо исправления последствий такого нарушения.

Европейский суд обычно исследует вопрос о том, действительно ли расходы заявителя произведены для предотвращения нарушения права либо исправления негативных последствий такого нарушения (если заявитель просит возместить судебные расходы и издержки, понесенные им при рассмотрении дела в судебных или иных органах государства).

Например, при рассмотрении дела "Левшины против России"⁴⁹ указано, что заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, если доказано, что они действительно понесены, были необходимыми и разумными по сумме. При этом расходы, понесенные на национальном уровне, рассматриваются как усилия, направленные на избежание или минимализацию нарушения Конвенции. Суд, отметив, что заявители неоднократно направляли ходатайства в судебные органы с просьбой ускорить судебное разбирательство по их делу (предметом жалобы была, в том числе, и чрезмерная длительность судебного разбирательства) признал, что в данном случае данное требование было соблюдено.

И напротив, рассмотрев дело "Калашников против России"⁵⁰, Европейский суд присудил заявителю 5000 евро вместо заявленных к возмещению 40 000 долларов (расходы на адвоката). При этом Суд исходил из того, что представленные заявителем материалы свидетельствовали о том, что произведенные им расходы не были связаны исключительно с нарушениями Конвенции; кроме того, заявителем было представлено лишь частичное документальное обоснование искомой суммы.

В одном из своих первых постановлений Европейский суд указал, что система защиты прав человека, предусмотренная Конвенцией, по своей природе является субсидиарной, то есть дополнительной по отношению к внутренней системе защиты прав человека в государстве. Это означает, что защиту нарушенных гражданских прав должны осуществлять компе-

⁴⁷ Постановление от 24 февраля 2005 года по делу "Познахирина против России", жалоба № 25964/02 (CASE OF POZNAKHIRINA v. RUSSIA).

⁴⁸ Постановление от 19 мая 2004 года по делу "Гусинский против России", жалоба № 70276/01 (CASE OF GUSINSKIY v. RUSSIA).

⁴⁹ Постановление от 9 ноября 2004 года по делу "Левшины против России", жалоба № 63527/00 (CASE OF LEVSHINY v. RUSSIA).

⁵⁰ Постановление от 15 июля 2002 года по делу "Калашников против России", жалоба № 47095/99 (CASE OF KALASHNIKOV v. RUSSIA).

тентные внутригосударственные органы, в том числе судебные органы. При этом, исходя из положений Конвенции, данные органы в качестве приоритетной основы своей деятельности должны признавать принципы и нормы Конвенции, как они толкуются и применяются Европейским судом.

Таким образом, Европейский суд как официальный орган по толкованию и применению положений Конвенции оказывает содействие внутригосударственным судебным органам в их деятельности и одновременно осуществляет контроль за соблюдением прав человека при осуществлении судебного разбирательства.

Следовательно, *правоположения, сформулированные Европейским судом, должны учитываться при осуществлении правосудия в арбитражных судах*. Данная позиция отражена в Информационном письме ВАС РФ от 20 декабря 1999 года № С1-7/СМП-1341 "Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие".

Итак, при разрешении конкретного спора арбитражный суд должен руководствоваться законом, подлежащим применению в данном случае, а также учитывать:

во-первых, правовые позиции Конституционного Суда РФ, подлежащие применению в данном деле;

во-вторых, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, подлежащие применению в данном деле (что специально предусмотрено ч. 4 ст. 170 АПК РФ);

в-третьих, правовоположения Европейского суда, касающиеся порядка осуществления правосудия.

М. РОЖКОВА,

ведущий научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук

Д. АФАНАСЬЕВ,

специалист-эксперт Государственно-правового
Управления Президента РФ,
магистр частного права